лютной монархии, пасифистские идеи и утопические уроки Фенелона, переведенные Тредьяковским, не только обидели Екатерину, но показались ей прямо опасными, так как через издание Тилемахиды входили в общественное обращение. Но Тредьяковский, чернорабочий просвещения, безродный труженик, не мог удостоиться такой кары, как придворный вельможа Фенелон, тем более, что своим переводом он выполнял только программу Петра. Для Тредьяковского было достаточно только пренебрежения и притом такого, которое обесценило бы его перевод, как смехоподобный.[1] Касаться самого содержания поэмы Екатерине казалось неудобным, так как она сама не прочь была полиберальничать на западноевропейский манер. И вот она облила презрением одну лишь форму перевода, в которой, надо сказать, не могла быть судьей, потому что не любила стихи вообще и не понимала, как следует, русский язык.[2] Впрочем, она угадала сла-

[1] Приводимые здесь и на стр. 33 соображения о причинах отрицательного отношения Екатерины к Тилемахиде впервые высказаны были нами в 1927 г. на декабрьском заседании Подсекции древней литературы и фольклора Института русской литературы РАНИОН в Москве. Эти соображения были затем печатно повторены в 1928 г. Л. И. Тимофеевым, тогда аспирантом Института (В. К. Тредиаковский. К 225-летию со дня рождения. Л. Тимофеев. На литературном посту. Апрель. 1928 г.).

[2] В статье Г. Геннади «Еще о драматических сочинениях Екатерины II (Библиографические заметки)», помещенной в «Библиографических записках» 1858 г., т. I, сообщается «относительно куплетов и арий, находящихся в драматических произведениях Екатерины II, что все они вставленные и сочиненные посторонними лицами и что императрица стихов не писала. Это известно и по преданиям и по некоторым печатным свидетельствам. В записках Храповицкого часто встречается известие, что он сочинял хоры к операм, которые ему давала государыня переписывать» (столб. 507). Далее Геннади сообщает показания де-Линя и Сегюра. Де-Линь, сопровождавший Екатерину в Крым (1787 г.), рассказывает, как по ее просьбе Сегюр составил для нее руководство к стихосложению с примерами, как она написала всего шесть французских стихов с массой ошибок и затем навсегда отказалась от дальнейших попыток. Но все же она занялась стихами в Бахчисарае и после четырехчасового размышления написала две строки. Сообщая тот же эпизод, Сегюр восклицает: «Не было, я думаю, слуха, до такой степени нечувствительного к созвучию стихов» (столб. 507 и 508). Что касается до владения русским языком и грамотою, то показательно «Объявление, написанное императрицею Екатериною II для ее Эрмитажа»: «Asseyé vous, si vous voulés, et cela où vous plaira sans qu'on vous le repete cent fois». «Изволтѣ сѣсть, гдѣ хотитѣ, неожидая повторенье церемоніи газайка (-хозяйка) здѣшная ненавидуетъ и за досада принимаетъ, а всякой въ своем домѣ воленъ» («Библиографические записки», 1859 г.,